

«У нас нет оправданий»

Репортаж из уральской Ревды, где пьяный участник СВО убил двух школьниц

Портреты погибших девочек. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

10:12, 10 декабря 2025,

Иван Жилин

спецкор

Конец осени на Урале выдался серым. Дождь сменялся снегом, а тот снова дождем. 27 октября был редким теплым днем — почти +10 °С. Многие вышли на прогулки.

Аня и Кира гуляли по Ревде вместе с подругой Лизой. Зашли в магазин за сладостями — куда без сладостей, когда вам 7, 9, 10 лет? Уходя с кассы, они не знали, что по дороге в их сторону летит на высокой скорости черная «Лада».

Когда девочки спустятся с крыльца на тротуар и пойдут домой, случится трагедия, которая всколыхнет 60-тысячный город. «Лада», вылетев с проезжей части, въедет в девочек и пробьет стену магазина. Кира и Аня погибнут. Лиза выживет.

СМИ назовут виновника аварии — им окажется 37-летний Михаил Слободян, ефрейтор, вернувшийся из зоны боевых действий. В его крови найдут алкоголь и наркотики.

Суд, несмотря на медаль Суворова, отправит его под арест. Сам Слободян во время избрания меры пресечения скажет, что считает себя виновным, но извинения принести сначала **откажется**: девочек, мол, больше нет, зачем извиняться? Лишь когда его трижды попросит об этом адвокат, выдавит из себя: «Простите, пожалуйста».

Ефрейтору грозит 15 лет колонии. Киру и Аню уже не вернуть. Лиза попала в больницу с тяжелыми травмами и несколько дней пролежала в коме — сейчас она восстанавливается.

Но почему трагедия вообще стала возможной? Спецкор «Новой»

отправился в Ревду, чтобы узнать это. И выяснил: дело не только в пьяном военнослужащем за рулем.

«Мы сами виноваты»

Ревда — 60-тысячный город в полусотне километров от Екатеринбурга. Как и многие на Урале — промышленный. Здесь есть крупный медеплавильный завод, завод по обработке цветных металлов, метизно-металлургический завод, предприятие по производству кирпича. Словом, место не депрессивное — работы хватает, и даже отток населения не столь велик. Потому здесь и говорят, что такая трагедия могла произойти в любом другом городе.

Но произошла в Ревде.

Ревда. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

У бело-зеленой стены супермаркета — цветы и мягкие игрушки. Проходя мимо, люди порой задерживаются — смотрят на две фотографии, поставленные на фанерный поддон рядом со свечами и иконами. Кире навсегда теперь девять лет, Ане навсегда семь.

В первые дни мемориал был огромным — к месту аварии шли сотни горожан. Символом трагедии стали окровавленные ботиночки одной из девочек — они тоже стояли здесь. Потом большую часть принесенного отправили на кладбище.

Я подхожу к останавливающимся у мемориала людям, но они в основном прячут взгляды, отмахиваются — просто не знают, что сказать. Стандартные фразы: «Жалко», «Ненормальный», «Вернуть бы смертную казнь».

— Мы сами виноваты, — неожиданно говорит женщина в светлой куртке. — Он несколько дней так по городу ездил. Но никто ничего не делал. Думали, мало ли дураков. А оно вот как закончилось. Потом уже видео стали [публиковать](#), как он лихачил до аварии — носился по частному сектору на скорости. Ему вслед кричат: «Дети тут ходят». А он несется — ему все равно. И никто никуда не пожаловался: проехал мимо — и слава богу.

Мемориал на месте трагедии. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Никто никуда не пожаловался. В этом себя упрекают многие горожане — даже те, кто не видел пьяной езды. СМИ пишут, что Михаил Слободян катался по Ревде пять дней, и, кажется, трезвым за руль вообще **не садился**. Но никто — буквально ни один человек — ничего в связи с этим не сделал.

Комментарии в местных пабликах:

- «У нас нет оправданий. Своим бездействием мы просто убили детей».
- «Равнодушные людей. Не замечать дальше своего носа».
- «Все молчат, всем глубоко наплевать. Очень страшно жить, когда рядом такое равнодушие».

— Вы же сами, журналисты, телевидение, нас годами учили, что каждый сам за себя. А теперь спрашиваете, — со злостью

говорит вышедший из магазина мужчина лет сорока. — Я думал над этим: я бы тоже не сообщил. Ну спешит куда-то человек — может быть, ему очень нужно. И если даже кто-то пьяный за руль сел, все равно бы не стал жаловаться — многие ведь пьяными ездят. У нас здесь народ простой. А с другой стороны: десять выпивших никого не собьют, а одиннадцатый... — он кривит лицо. — Но что теперь, звонить в полицию по поводу каждого? А если он не пьяный окажется? Я не знаю. Честно — не знаю. У нас вообще в полицию звонить не принято.

— Неправильно говорить, что жители виноваты, — заявляет мужчина в темно-синей куртке, застывший напротив принесенных к мемориалу мягких игрушек. — Здесь далеко не все с высшим образованием, тем более юридическим. Сейчас видео выкладывают, как этот человек за пару часов до аварии по улице Спартака гнал. И, мол, женщина, которая это снимала, ничего не сделала. А что она должна была сделать? В полицию позвонить? Полиция, к сожалению, сама часто говорит, что ничем не может помочь, — вот к ним и не обращаются. Несколько лет назад широко рекламировали номер ГИБДД, на который нужно сообщать о нетрезвых водителях: я просто ради интереса позвонил — не работает.

Евгений Люханов. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Мужчина представляется Евгением Люхановым. За несколько минут до аварии он был в том же магазине.

— Когда соседу сказал, что всего на пару минут раньше девочек вышел, он мне ответил: «Лучше бы тебя, Жень, чем их». Я его понимаю — у него самого дети того же возраста. Очень многих эта авария задела, потому что легко представить своих детей на месте погибших. И равнодушие недопустимо, но надо смотреть глубже. Почему люди не звонят в полицию?

Вопрос о доверии полиции среди ревдинцев после аварии **встал** в полный рост. Кто-то так и писал: «Еще бы была реакция на звонки». Многие жаловались, что обращались к полицейским в разных ситуациях, но помощи не получили:

- «Неоднократно вызывал, когда наркоманы кололись в

подъезде, — реакции ноль».

- «Вызывала на шум, соседи перепили и очень шумели. ППС приехала через два часа, потом мы еще час объяснялись, а соседи уже спали и к ним вообще не пошли. Нужно налаживать работу служб, а потом уже говорить о равнодушии».

Эти замечания, может, и верные. Но трудно отделаться от ощущения, что между шумной компанией и пьяным человеком за рулем — пропасть. Ведь второй слишком часто — убийца.

— Как бы то ни было, государство здесь должно включаться, — заключает Люханов. — Нужны системные изменения. Нужно ужесточать ответственность, чтобы пьяным за руль было страшно садиться. Вот за наркотики дают до 20 лет колонии, а Слободяну больше 15 не грозит. А почему у него вообще права оказались? Его же трижды до этого пьяным [останавливали](#). Трижды.

«Один экипаж — больше не положено»

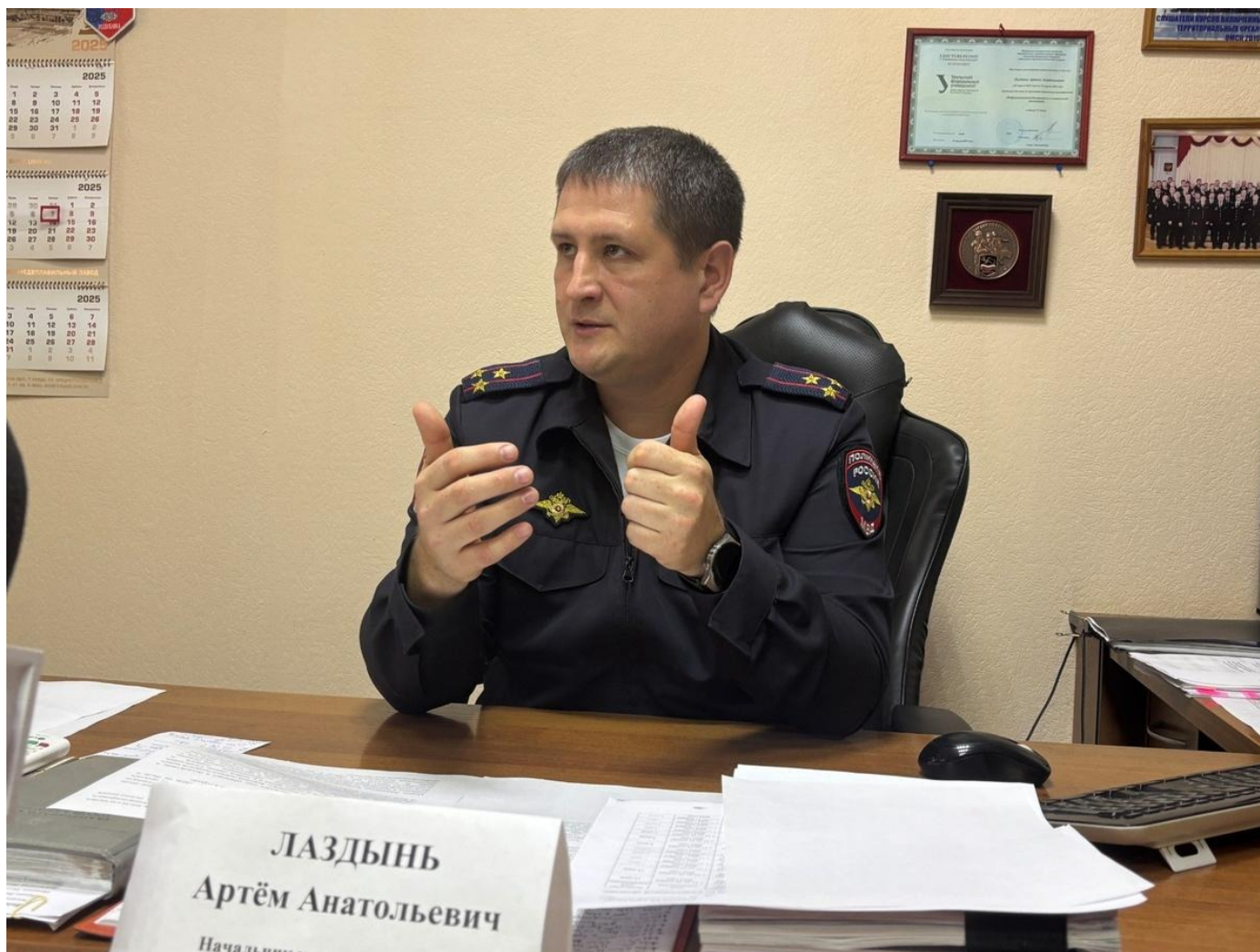
В городском отделе полиции — план «Крепость». Сотрудники в полной экипировке и при оружии стоят у дверей и окон. Учения.

Начальник, полковник Артем Лаздынь, проводит встречу с журналистами в своем кабинете.

— Я вначале хочу сказать, что полицейские — точно такие же люди, как и вы. Мы все очень переживали в день трагедии: у меня женщины здесь плакали, в мужчинах зло кипело. И я

видел в Сети очень много комментариев, что мы бездействовали. Но давайте разберемся, — он говорит очень спокойно и тезисно. — У нас на город один экипаж ГИБДД — больше просто не положено, хотя, может, и требуется. После трагедии к нам из областного управления направили шесть экипажей. Только за первые полдня было выявлено 27 нарушений, в том числе один бесправный лишенец. Двоих пьяных выявили — беда не всех чему-то научила. Но усиление, к сожалению, уехало, и мы остались с теми силами, которые имеем.

В этих условиях нам нужна помощь горожан. Почему, если знали, что человек пьяный по городу ездит, никто об этом не сообщил? Ни за пять дней, ни за два часа. Я лично проверил — ни одного сообщения не было в дежурную часть.

Артём Лаздынь, начальник полиции Ревды. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Лаздынь признает, что один экипаж ГИБДД не может уследить за происходящим в городе. Но замечает — хуже то, что люди сами следят за этим экипажем — чтоб с ним не пересечься.

— Есть паблики — не только в Ревде, но и в других городах, — которые освещают дорожную обстановку и зачем-то указывают, где стоят сотрудники автоинспекции. На следующий день после гибели девочек мы задержали пьяного водителя, и знаете, что он сказал? «Ну про вас же в чате сейчас ничего не пишут, поэтому я не знал, где вы стоите». Прямым текстом. Мы эти паблики запретить не можем, да это и не нужно: запретишь один, появятся два. Но я бы просил модераторов быть ответственными.

После трагедии, говорит полковник, ревдинцы стали больше звонить и сообщать о нарушениях.

— Но есть опасения, — он на секунду заминается. — Да что там, так и будет. Это сейчас, пока все в памяти свежо. Пройдет время — и перестанут звонить. И как бы все не вернулось... Нам нужно вместе думать, как эту активность поддерживать...

Уже когда все расходятся, одна из журналисток как бы в сторону замечает:

— Интересно с этим Слободяном. Мы его видели в тот же день — за час до аварии. Стояли на перекрестке — он пролетел на красный. Причем так быстро все произошло, еще подумали: «Что это?» А потом...

«Продолжают существовать»

Михаил Слободян заключил контракт с армией в 2023 году. Год спустя, судя по всему, он приехал домой в отпуск — по крайней мере, в октябре 2024-го в екатеринбургский гарнизонный военный суд **поступило** дело в отношении него: об отказе от медосвидетельствования. Подробностей нет, но, очевидно, речь идет о подозрениях в пьяной езде. До рассмотрения не дошло — Слободян вскоре после задержания вернулся на СВО, суд переносили 19 раз, а 5 ноября, спустя неделю после трагедии в Ревде, дело закрыли за истечением срока давности. Местные СМИ по этому поводу отметили: у мужчины остаются действующие водительские права.

Михаил Слободян. Фото: соцсети

Супруга Михаила Юлия в коротком [комментарии](#) Е1 рассказала, что в июле 2025-го он получил ранение на передовой, долго лечился, а в Ревду приехал за неделю до происшествия — но дома провел только одну ночь.

«Снял коттедж где-то. Все гулял, пил. У него крыша вообще съехала. Я умоляла его: пойдём домой, пойдём домой. Но он не шел. Я сама себя виню, что не смогла его остановить. Я пыталась. Но он ведь не слушал», —

говорила она на следующий день после аварии.

По словам Юлии, Михаил и до спецоперации много выпивал. Из-за этого у него не было постоянной работы — часто увольняли. Перебивался случайными заработками — то мастером по установке окон, то сварщиком.

«Он и за рулем уже ездил так [пьяным]. Я была против, чтобы он снова покупал машину. Но после ранения у него кишку наружу вывели, и ноги... Он потому и купил себе машину, что еле ходит. У него не протез — конструкция, которая поддерживает ногу», — объясняла Юлия.

Понимание, какими военные приходят со спецоперации, тоже вдруг встало перед ревдинцами. Люди стали задаваться вопросом, есть ли в городе организации, которые помогают вернувшимся адаптироваться к мирной жизни? Оказалось, таких немного. А средств и компетенций — еще меньше.

Союз ветеранов боевых действий квартирует в жилой пятиэтажке на окраине города. Занимает небольшое помещение с отдельным входом с улицы. Председатель Андрей Акулов убирает со стола камуфляж и разобранный дрон — говорит, неприлично их «в газете светить», потому что они украинские. Затем, словно поправляясь, добавляет: «Трофейные».

— Психика человека, который прошел войну, часто совсем не такая, как у мирных жителей, — объясняет он. — Потому что когда ты видел определенные вещи, тебя это меняет. Человек во сне может воевать, ему могут друзья погибшие сниться, он может стать очень раздражительным. С этим и после афганской, и после чеченских войн очень многие сталкивались. В наркотики уходили, в алкоголь — только чтобы это заглушить. И те, кто сейчас возвращается с СВО, тоже с этим сталкиваются. Мы им пытаемся помогать, но надо понимать два момента: во-первых, мы не всех знаем, и во-вторых, не всем получается помочь.

Андрей Акулов. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

О Слободяне, по словам Акулова, в Союзе ветеранов до аварии не слышали. Он говорит, что это не удивительно.

— Они, скажем так, далеко не все к нам приходят. У них условия лучше, чем у афганцев или у тех, кто на Северном Кавказе воевал. Они при деньгах, у них все есть. Ну сами посудите — он [Слободян] приехал, снял коттедж, купил автомобиль, дорогой алкоголь. И пытался вот так заглушить свои проблемы. Я его не оправдываю — он всех участников боевых действий дискредитировал — просто объясняю, что так с людьми бывает.

Те военные с СВО, которые до ревдинского Союза ветеранов все-таки доходят, получают помощь, заверяет Акулов. Он вообще старается

держаться официальной линии, подчеркивая, что государство максимально заботится обо всех, кто подписал с ним контракт.

Но когда я уточняю, какую именно помощь в адаптации может получить житель Ревды, многое становится понятным.

— Я не говорю, что я тут веду прием и как жилетка выступаю. Если у человека проблема, то объясняю, что примерно нужно сделать. Например, советую поговорить с психологом. Психолога может дать фонд «Защитники Отечества» — у нас в городе нет их отделения, но есть представитель. Пока это один человек, но до прошлого года вообще никого не было, — объясняет Акулов. — Если помощь нужна действующему военнослужащему, ему нужно поехать в Екатеринбург и обратиться там в госпиталь ветеранов войн — они уже будут как-то решать вопрос. Государство всех поддерживает. Протезы дает, если нужно. Чего скрывать — у нас единственная в области команда ампутантов по футболу. Ребята, даже потеряв конечность: кто-то без ноги, кто-то даже без двух, вратарь без руки, — не сломались! Не ушли в бутылку, не ушли в запрещенные вещества. Они находят себя в спорте. И спокойно радуются жизни. Продолжают существовать.

В июле 2025-го представитель «Защитников Отечества» Елена Гальченко [сообщила](#), что в Ревде у фонда 36 подопечных. Она не стала уточнять, включает ли эта цифра родственников военнослужащих, хотя упомянула, что работает и с ними. Вернувшись, по словам Гальченко, помогают получить протезы, консультации психологов, а при желании они могут пройти образовательные программы и курсы ораторского мастерства — чтоб убедительнее выступать на уроках мужества.

Ревда. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

«С трудоустройством есть проблемы. Мы работаем и с администрацией, и с центром занятости, но все-таки трудности остаются. Проблема в том, что у многих есть судимость, с которой служба безопасности предприятий их не пропускает, либо инвалидность. Есть проблемы с тем, что человек хочет устроиться на предприятие, но у него в руке вместо кости пластина, а такими руками он не сможет работать. Или один из наших подопечных очень хотел работать в пожарной части спасателем. В зоне СВО он вытаскивал с поля боя раненых. Но у него судимость, в итоге — отказ. Они мне уже говорят, мол, зачем вы нас зовете на ярмарки вакансий, все равно нас никуда не берут. На последней ярмарке я лично подошла к каждому работодателю, но проблема пока так и не решилась», — призналась представитель фонда.

«Далеко идущие выводы мало кто делает»

30 октября издание «Ревда-инфо» [опубликовало](#) обращение к горожанам в защиту семьи Слободяна.

«Какую бы ярость вы ни испытывали в отношении виновника аварии, пожалуйста, не проецируйте ее на семью, проявите человечность не только к родственникам пострадавших и погибших, но и к тем, кто волею судьбы связан с виновником их мучений, — подчеркивали журналисты. — Они, особенно ребенок, не выбирали эти роли и сейчас ощущают на себе огромный груз вины, горя и ответственности. Не усугубляйте их страданий. Помните, пожалуйста, о фундаментальном принципе права — человек несет ответственность только за свои собственные действия. Члены семьи не совершали преступления».

В скором времени аналогичное обращение — от настоятеля местного храма — опубликовала газета [«Ревдинский рабочий»](#). Священник указывал, что общался с сестрами и мамой виновника аварии. Говорил, что они не просят о снисхождении к нему — только о честном суде, скорбят по погибшим девочкам, а еще — жалуются, что на улицах в них «тычут пальцами». «Самое страшное для меня — открывшаяся травля ребенка виновника трагедии. Что сделал мальчик? К чему срывать свою злость на семье?» — задался вопросом священник.

Михаил Слободян. Фото: соцсети

С главным редактором «Ревда-инфо» Валентиной Пермяковой встречаемся в центре города. Она рассказывает, что жена Михаила Слободяна приходила в редакцию — сначала кричала, потом плакала.

— Их семью реально травят, — говорит Валентина. — Особенно сына в школе. Я сказала:

«Юлия, меняйте телефон. Меняйте фамилию сына. Может быть, хотя бы на время уезжайте из города». Они этого никак не заслужили — она простая женщина, воспитатель в детском саду. Себя виноватой чувствует очень. Вот это ощущение вины, что «я не сделала», «я не

ОСТАНОВИЛА».

Говорила, что он и до СВО сильно пил, сильно гулял, бил. Много ведь таких семей — и даже за руль многие пьяными садятся. Но так получилось, что именно он сбил девочек. И конечно, потому что это все произошло публично, потому что это все видели, началась такая реакция.

Родители погибших девочек и пострадавшей Лизы — тоже в глубоком горе. На похоронах журналистов просили их не фотографировать, но они, конечно, все равно снимали. Валентина для себя выбрала просто их не трогать — потому что это и есть проявление эмпатии.

— Да, люди отозвались: даже деньги на похороны собирали. Но мне кажется, что далеко идущие выводы мало кто делает. Нужно справиться с болью здесь и сейчас — это делают как могут. Но после аварии мне написал знакомый: «Валентина, пожалуйста, прекратите писать, что он участник СВО. После этого случая нас всех стали проверять, следить за нами: что мы делаем, в каком мы психическом состоянии». И я заметила, что некоторые областные СМИ действительно стали опускать этот момент. Хотя, на мой взгляд, наоборот, хорошо, что стали проверять. Давайте уже думать, какими люди возвращаются оттуда, давайте думать, как их социализировать. У меня очень большой вопрос к системе: Слободян после ранения два месяца пролежал в госпитале. Почему никто не заметил, что он не в себе? Почему ему залатали ногу и отправили в общество? А скольких еще таких отправили?

По мнению Валентины, у некоторых военнослужащих после увиденного на передовой теряется смысл жизни и появляется тяга к саморазрушению.

— Мне кажется, он неосознанно пытался убить себя. Огромное

количество алкоголя и наркотики — это способ что-то заглушить внутри. И есть все возможности. Одна читательница написала нам: если бы не было тех денег, которые им обещают, то не было бы контракта, не было бы тогда и машины, и наркотиков, и самой трагедии. Совершил бы он то, что совершил, если бы не побывал там? У меня нет ответа. Его адвокат на суде говорил, что после двух лет «за ленточкой» и восьми ранений он перестал вообще понимать, что делает. Думаю, это так и есть. Но о каких-то системных мерах, которые сейчас бы принимались, чтоб такого не повторилось ни у нас, ни где-то еще, я, увы, не слышала.

P.S. Редакция «Новой газеты» выражает соболезнования родным Ани и Киры и слова поддержки Лизе и ее родным.

Этот материал вышел в четырнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.